

Хозяева своей страны

Вчера в газетах был опубликован Закон о Государственном бюджете Союза Советских Социалистических Республик на 1948 год.

Закон этот единодушно и с большим воодушевлением был принят высшим органом государственной власти нашей страны — Верховным Советом СССР.

Закон этот поддерживает миллионы советских людей — это от их имени голосовали за правительственный проект народные избранники — депутаты, это от их имени избирали депутаты на рассмотрение сессии различные предложения и поправки в проект, направленные на дальнейшее укрепление и рост нашего социалистического государства, нашей культуры, это от их имени все депутаты в своих речах требовали экономного расходования государственных средств, бережливого отношения к народной копейке.

Народ наш — полнокровный хозяин своей страны, хозяин рачительный и заботливый. Много труда положили советские люди, строя свое социалистическое государство, много крови пролили они, отстаивая это государство на полях сражений Великой Отечественной войны.

Государство — это мы! — с полным правом говорят граждане нашей страны — рабочие и академики, колхозники и писатели. Для советского человека нет и не может быть на свете ничего дороже, ничего священнее интересов своей страны.

Личное свое счастье советский человек ищет и находит в счастье народном, свое собственное преуспеяние он видит в преуспеянии своего Отечества. Поэтому и говорил с таким жаром с трибуны сессии депутат о необходимости бережливого расходования средств и экономии копейки, что эта экономия, эта бережливость — в интересах государства, в интересах народа.

Советское правительство не скучает на расходы, которые служат повышению благосостояния народа, росту социалистической культуры. Щедро отпускаются миллионы средств на строительство новых школ, театров, дворцов культуры, стадионов, на расширение производства предметов широкого потребления и продуктов питания. Но потому-то и нужна сейчас жесточайшая экономия в том, что касается расходов на народную копейку, что каждая такая сэкономленная копейка должна быть перекладана с пользой для народа, для блага народа.

А какие выгоды может дать подобная экономия на копейках, — убедительно показывает следующий пример, приведенный в союзе председателем Бюджетной комиссии депутата Л. Р. Корниенко. Министерство финансов первоначально установило для перевозок грузов Союзгострансом тарифную ставку из расчета 1 руб. 03 коп. с тонно-километра. Бюджетная комиссия предложила принять тариф из расчета в 1 руб. 05 коп. за тонно-километр. Разница, на первый взгляд, незначительная — всего в две копейки. Но оказывается, что эта разница увеличивает доходы государственного бюджета на 18 миллионов рублей.

Борьба за экономное государственное средство не есть временная кампания. Режим экономии представляет собой свойственный социализму метод хозяйствования. Это неоднократно подчеркивали в своих работах Ленин и Сталин. Это хорошо понимают и эти руководствуются в своей повседневной деятельности миллионы советских людей.

Всей стране известно ныне имя Андрея Янушвина — сестра-инженера-электрика 2-го Московского заводского завода. Чем же прославился тов. Янушвин, почему так много оказалось у него последователей? Тов. Янушвин предложил и внедрил в своем цехе разработанный им метод борьбы с производственными потерями. Идея новаторства была подхвачена его товарищами. Что

же конкретно дала реализация этой идеи? Впервые, в результате экономии, удалось сократить часы работы часового завода, в то время как еще недавно на это затрачивалось 25 часов.

Движение, инициатором которого явился тов. Янушвин, родилось в инструментальном цехе часового завода, но в короткий срок оно приобрело всеобщий размах. Советские люди сразу оценили всю значимость самой идеи, выдвинутой и реализованной тов. Янушвиным, поняли, какие выгоды государству дает борьба с потерями производства, какие огромные средства она позволяет экономить, какие сулит перспективы на будущее. В том, что движение, начатое на сравнительно небольшом столичном заводе, превратилось в движение общенародное, сказалась высокая сознательность советских людей, их любовь к родной стране, желание видеть ее еще более сильной и могучей. У нас сейчас тысячи Янушвинов во всех областях промышленности и сельского хозяйства, и нам нужно добиваться, чтобы число таких людей росло с каждым днем.

Мы должны ретельно бороться с расточительным государственным средством, с тем, что по легкомыслию или незнанию транжирит народные деньги. Советская общественность, рупором которой является наша печать, не может оставаться равнодушной к фактам антигосударственного, антинародного отношения к советскому рублю, фактам, подобным тем, о которых говорил на сессии в своем докладе тов. Зверев. Разве допустимо, что ашхабадская янтарная третья год подряд работает на одном ипподроме, расходует попусту крупные народные средства, а фильма зрители так и не видят? Не есть ли это прямое неуважение к советскому народу, к его трудовым подвигам, не проявление ли в этом равнодушие к интересам своего государства?

Мы должны бороться с рутинеризмом и консерватизмом всех мастей, мы должны ретельно поддерживать передовиков производства, новаторов науки и техники, чьи рационализаторские предложения, новые методы труда снижают себестоимость, повышают рентабельность предприятий, помогают экономить для государства, для народа миллионы рублей.

Советский народ горячо одобряет решения четвертой сессии Верховного Совета СССР. В решениях сессии советские люди — хозяева своей страны — видят перспективы нашего роста. В решениях сессии советские люди справедливо усматривают залог наших будущих успехов на фронте строительства коммунизма.

Мыступили в третий год первой пятилетнего сталинской пятилетки. Партия призывает нас не снижать темпов социалистического соревнования, бороться за дальнейший расцвет нашего народного хозяйства, внедрять режим экономии во все отрасли промышленности, строго учитывать и беречь народную копейку, беречь для народа же, для его нужд, для его процветания.

Советские люди, хозяева, строители, творцы, великие большевистской партии и великий Сталин, глубоко предавшие нашу правительству и проводили им мудрой политике, патриоты социалистической Родины, выполняйте свой долг. Пятой годовщины победы пятилетки будет воплощен в жизнь. Государственный бюджет будет осуществлен по-полнейшему. Порукой тому — высокая идейность советского народа.

Долг советских писателей в эту эпохенную пору — активно вторгаться в жизнь, быть пламенными пропагандистами великих наших планов и задач, заветчаивать в своих произведениях правдивую красоту, духовное богатство людей социалистического труда, двигающих нашу Родину вперед, к счастливому коммунистическому будущему.

О „ЗАБЫЧЕВОСТИ“

Как нельзя издавать переводные брошюры

В начале 1941 года известный английский физик В. Г. Брегг прочел лекцию об электромагнетизме перед очень специальной аудиторией: будущими операторами радиолокационных установок, охотниками за магнитными минами, работниками военных лабораторий, радистами.

Читатель вправе спросить, зачем теперь вспоминать эту старую лекцию. Но дело в том, что она в 1947 году в количестве 25.000 экземпляров издана в СССР Издательством технико-теоретической литературы.

Брегг свою лекцию назвал «История электромагнетизма». Но какая это история электромагнетизма, если она тщательнейшим образом умалчивает имена тех, кто сделал действительно большой вклад в развитие электромагнетизма — мы имеем в виду замечательных русских электротехников XIX века!

Между тем аннотация Издательства технико-теоретической литературы, напечатанная в брошюре Брегга, утверждает, что советский читатель много потеряет, не ознакомившись с историей электромагнетизма в изложении Брегга.

Брегг читал свою лекцию англичанам, для которых электромагнетизм должен был стать оружием в войне, и ее целью была не только популяризация этой области науки, но и агитация, проповедь того, что самые важные достижения электромагнетизма — созданные англичанами. Он сам открыто говорит это в предисловии к брошюре, воспроизведшей лекцию.

Рассказав о выдающихся заслугах Королевского института в разработке основ современного электромагнетизма, не забыв даже о том, что в память о людях, употребивших для изучения электрических явлений, в пол одного из помещений Королевского института вела маленькая бронзовая ленточка, упоминать людей, порою весьма отдаленно связанных с историей электромагнетизма, Брегг не считал необходимым называть ни Э. В. Ленча, ни В. В. Петрова, ни М. Х. Ломоносова, ни П. Н. Яблочкова, ни П. Н. Лебедева, ни А. Г. Столетова, ни создателя радио А. С. Попова...

Издательство технико-теоретической литературы, решившее издать подобную брошюру, должно было вспомнить «проблему

памяти» Брегга. Это — нехитрое дело, и многие книги иностранных авторов не входят советского читателя в заблуждение, благодаря примечаниям и предисловиям редактора.

Почему на странице 12-й, где говорится об опытах Нильсона, Карелья и сэра Генри Дэви, не сделано примечания о том, что подлинным «отцом» электрохимии является русский ученый В. В. Петров, открывший электрическую дугу, несправедливо носившую имя Вольта?

Почему не нашлось места для примечания о том, что важнейший закон о связи намагничивания железа с намагничивающим влиянием поля впервые найден в 1872 году русским ученым А. Г. Столетовым?

Этим законом пользуются все изучающие, конструирующие и эксплуатирующие электромагнитные приборы, аппараты и машины.

Когда Брегг с гордостью говорит, что Максвелл был автором теории электромагнитной природы света, почему не примечания о том, что П. Н. Лебедев первый в мире получил самые короткие электромагнитные волны длиной только в 6 миллиметров и провел целую серию генеральных о том, доказавших правильность электромагнитной теории света?

Знаменитый английский физик Томсон сказал после этого К. А. Тимирязеву: «Вы, может быть, знаете, что я всю жизнь воевал с Максвеллом, не признавая его теории, а вот наш Лебедев заставил меня сдаться перед его опытами».

Разве это менее интересно для советского читателя, чем сообщение о бронзовом памятнике лягушке в Королевском институте?

Первый в мире электромагнитный двигатель русского ученого Б. Якоби, созданный трансформатором П. Н. Яблочковым и И. Ф. Усагиным, открытие А. С. Попова радио — обо всем этом хотя бы в нескольких словах должно было сказать издательство, выпускающее брошюру Брегга, чтобы, читая этот «прекраснейший образец научного популярного изложения», как говорится в аннотации к брошюре, никто не получил, что автор ее прав, ни слова не упомянув о роли русских ученых в истории электромагнетизма.

А. МОРОЗОВ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 11 (2394)

Суббота, 7 февраля 1948 г.

Цена 40 коп.

Легенда, воплощенная в жизнь

1.

Б югу от Ташкента, километрах в ста восьмидесяти, расположена небольшая станция Хилково — одноэтажное здание, водоканал, скромный пакгауз; шагах в ста от станции лежит городок Беговат. Еще недавно это был кишлак — мазаки под плоскими крышами, без окон на улицу, тесное и безмолвное селение. Ныне здесь мощные улицы, тротуары, каменные дома, электричество, радио, магазины, банк, парк культуры — ныне здесь город, рассчитывающийся в ближайшие годы принять сто тысяч жителей.

Километрах в шести от Беговата протекают таежные, мутные воды Сыр-Дарьи. Именно здесь народная фантазия поселила легенду о Фархаде. Почти восемь столетий назад этой легенде дал литературную жизнь Низами: через три века ее создала новое Навои — основоположник узбекской литературы. Навои придал Фархаду черты человека-любителя, заботящегося о благе народа. Фархад строит замок для своей возлюбленной Шарина, и Фархад строит оросительные каналы для народа.

В январе 1943 года на берегу Сыр-Дарьи остановился «газета», из него вышел человек; им предстояло руководить строительством Фархадской ГЭС. Пустыня, тупая местность. Скалы. Безлюдье. Одинокий орен в небе, и на сотни километров — бесплодная Голодная степь.

Осень и зима здесь — время жестоких ветров, дурующих меж горными хребтами и Туркестанским хребтом. Скалы — сжимают ветер, не дают ему вырваться отсюда. И ветер воет, свистит и злобует. Новоприбывшие едва держались на ногах. Они увидели выемку в скале, подобную троту, и укрылись в ней; из пустыни ажионок они сколотили первые скамьи и первые столы. Так открылся контур строительства Фархадской ГЭС. Выемка в скале была легендарной пещерой Фархада. Легенда стала наполняться реальностью.

Именно здесь пережидали воды Сыр-Дарьи и подымались на тридцать два метра. Рев низвергающейся воды потрясает молчаливую пустыню, но водам уже не уйти с пути, предначертанного человеком; пройдя тридцать километров, они попадают в сооружаемый молотом электростанция; отсюда они уйдут, только выполнив свою обязанность, приведя в движение турбины.

2.

Электростанция на Сыр-Дарье — самая мощная в Средней Азии и одна из крупнейших в Советском Союзе.

Газеты уже сообщали, сколько миллионов кубометров земли здесь было вынута, сколько сотен тонн бетона и железа заложено. Цифры огромны, но цифры порой кажутся выдумкой. Остается то, что сопровождается техникой только у нас в Союзе, что придает ей особую, наиболее важную ценность.

Постановление Государственного Совета Обороны о фархадском строительстве товарищ Сталин подписал 18 ноября 1942 года — за день до начала наступления под Сталинградом. Будущие поколения поймут, что Фархадская ГЭС была не просто электростанцией, передовым техническим сооружением. Это сооружение никогда не перестанет волновать людей, как могучий памятник духовного величия узбеков.

3.

Вся история строительства — повествование об удивительных подвигах тысяч простых и скромных людей. Колхозники поднимали к неслыханным сложным машинам, изучали их и оставались при них в качестве механизаторов. Старик выносил на своих плечах из котлована десятирублевые мешки с землей. Молодые узбеки становились электросварщиками. Братия работали в ледяной воде, преграждая путь лаводку, грозящему размыться еще не окрепшие устои плотины.

Недалеке от плотины, на левом берегу реки — остатки земляных работ. Кажется, что археолог откопал древнее городище; на самом деле сооружения не так стары.

В 1872 году первый генерал-губернатор Туркестана фон-Кауфман задумал перенести в этом месте реку и отвести оросительный канал в Голодную степь. На строительство пригласил 70 тысяч крестьян-узбеков. Им платили по 5 копеек в день; часть крестьян вымерла от голода, эпидемий, некоторых «убитых» сгноили в тюрьмах. Но «строительство» шло, оно продолжалось шесть лет. Прорыли тридцать километров канала и бросили работу, не доведя до конца: все ассигнования были разворованы. Узбеки дали этой «опеке» название не очень почтительное: «тогус арык» — «свинячий канал».

Десять лет спустя при генерал-губернаторе Чернышеве снова взялись за приращивание пустыни и безводного затопили тридцать тысяч десятин земли, годной к обработке. Специалисты-приращиватели позже писали:

Виктор ФИНК

«В первую очередь выдвигается вопрос не об приращивании, а об осуществлении бесмысленно затопленных пепельных земель». Это звучит, как страница из «Истории города Гаупна»!

Кто только не брался за приращивание Туркестана...

В Ташкенте жил в опале дядя царя, великий князь Николай Константинович. Опальный князь тоже занялся приращиванием работами: в районе Беговата он построил канал, получил от казны 600 тысяч «чистыми». Канал разлился через год.

Ирригация Голодной степи, да и всех туркестанских пустынь, интересовала общественное мнение. Газета «Русское слово» незадолго до революции жаловалась на то, что в Средней Азии практически ничего не сделано для плодородия.

В 1907 году вышла книга известного статистика А. А. Кауфмана, посвященная перспективам переселенчества. Автор развинул картину широких экономических возможностей Туркестана, которые не были использованы тогда из-за безводья.

В рецензии на эту книгу Ленин писал, что «многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидает» не только орошения и всякого дела мелиораций, они «ожидает» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от чересотенной диктатуры в государстве».

4.

Узбекская энергетика не имеет прошлого. До революции потребление электричества здесь определялось многозначной дробью киловатт-час в год на душу.

Загляните в сохранившиеся еще кое-где старинные кишлаки. Вдоль улиц, за плетнями, как нитка в клубке, стоят глинобитные стены. Все безмолвно. Топкалки каменные — вы понадеете на двор, затем в скале. Зимой вас усадят на «саиды» — своеобразную печь: в углублении пола тлеет уголь, а над углублением стоит столик вышней сантиметром в двадцать сантиметров, покрытый толстым, ватным одеялом. Сидите на пол, налитые одеяло на колени и пейте чай. Но и такое жилище уже освещено теперь электричеством! В республике множество малых гидроэлектростанций — для них используются арыки.

Скалы отбивает свой век! Узбекско-казахские уже строят новые дома, много домов — под черепичной крышей, с большими окнами. В этих новых домах — мебель, никелированные кровати и дубовые шкафы. Но электрический свет переживает строительство домов. В Янгй-Юльском районе, в колхозе имени Сталина две трети семейств переселились в новые дома, но электричество горело и в старых, деловских сахлах.

Электричество в Узбекистане — база развития экономики. Экономика Узбекистана связана с хлопководством.

5.

Незадолго до революции группа местных купцов обратилась к туркестанскому генерал-губернатору с просьбой разрешить им открыть текстильную фабрику, которая перерабатывала бы узбекский хлопок на месте. Генерал-губернатор мотивировал свой отказ тем, что возникновение текстильной промышленности в Средней Азии создаст нежелательную конкуренцию московским фирмам. Средняя Азия оставалась «сырьевым придатком» при фармах Прохорова, Морозова, Конши-на, Цыганова.

Революция предоставила узбекам возможность творить, строить. Революция заставила народ Узбекистана жаждать сознания! В Узбекистане стали добывать хлопок втрое больше, чем до революции.

Для хлопка отводились новые пространства в безводных пустынях. Началось строительство каналов. Десятки тысяч крестьян выходили со своими инструментами, со своими самоварами, пшалами и прокладывали новые дороги толпами сенами Намира и Тянь-Шаня. Длинна Большого Ферганского канала — 270 километров, его построили 160 тысяч колхозников в 45 дней — чудо, которого еще не знает мировая ирригационная техника.

Хлопок — очень трудоемкая культура. Силами одних людей всевозможные поля. Силами возраставшими посеянными полями. Поэтому на хлопковые поля были выпущены машины. Шестидесять процентов труда хлопководов механизировано; остается механизировать уборку.

В Америке человеческие руки собирают хлопок медленно, одной силой мыши, работая так, как работала в долине Пала при фараонах. Проблему уборочной машины в Америке пытаются разрешить в течение 90 лет, но она не решена. Это объясняется просто: на плантациях работают негры, их труд дешевле машин.

Чедомир МИНДЕРОВИЧ

МАНСАНАРЕС

Слышишь гулкие раскаты? Вдалеке река клокочет, и на грешных волнах косматых закипают боль и ярость. Трупы лавших поднимают и кровавой пены клочат. Поседавшая от горя Мансанарес, Мансанарес.

Родня пыльные поклажи, в поля в свинцовых брызгах. Стонут сироты и вдовы, плачут деушки, состарясь. Берега твои и воды окислились салот фашистский. О, река народной скорби, Мансанарес, Мансанарес.

Где б ты ни был, друг, — на Волге, на Янране пь на Ганге, Завершишь труды дельные, ты беде далекой внемлешь.

Мансанарес — река в Испании.

Вслушайся в тяжелый топот марширующей фаланги Над рекою Мансанарес, что течет по горьким землям. Вслушайся в прокатный топот. Враг давно уже опознал. И бунтует Мансанарес и зовет к правосудию: — О, прости, еще не поздно! Топорный, еще не поздно! Поднимайтесь для возмездия, обездоленные люди!

Даль придет — а снова будешь серебристым величаво, Даль долины пересекать, течь по плодородным нивам. Берега мои сегодня залиты росой кровавой, Звезда вспахнет их по праву расой вольной и счастливой.

Перевел с сербского Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Государственное издательство политической литературы выпустило массовое юбилейное издание «Манифеста Коммунистической партии», подготовленное к печати Институтом Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).

НА СНИМКЕ: обложка юбилейного издания.

20.000.000 новых книг
даст Гослитиздат
в 1948 году

Редакционный совет Гослитиздата заслушал доклад директора издательства Г. Головенченко о тематическом плане на 1948 год.

— Мы дадим стране в этом году около 20 миллионов экземпляров книг, — сказал Г. Головенченко. — Количество названий увеличится до 260 вместо 220 в minulshem году.

Расширяется выпуск собраний сочинений классиков русской и мировой литературы. Будет выпущено 60 томов. Завершаются начатые ранее издания: «Сочинения» Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Гете, Байрона, Мопса, Флобера, Версеса, Шмидта и Тренева.

Около тридцати произведений русских классиков выйдут отдельными изданиями. В их числе — однадцать иллюстрированных, художественно оформленных книг: «Сочинения» Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Гете, Байрона, Мопса, Флобера, Версеса, Шмидта и Тренева.

Почти вдвое против прошлого года увеличивается количество названий литературных произведений народов СССР. Будет издано несколько томов собраний сочинений И. Франко и Т. Шевченко, узбекский эпос «Алламыш», осетинский эпос «Сказание о нартах», антология грузинской, туркменской и узбекской литературы, избранные произведения классиков и лучших современных писателей советских республик.

Значительно расширен раздел литературы славянских стран. Выданы в свет избранные произведения Христо Ботева, Э. Ожешко, «Крымские сонеты» А. Мицкевича, сборник славянских песен и сказок, антология польской поэзии, роман Б. Пруса «Кукла» и другие произведения. Раздел литературоведения содержит 25 названий. Но обращает на себя внимание отсутствие исследований, посвященных литературе братских народов. Нельзя считать достаточным издание двух предисловий к плану книги: В. Гольцева — о грузинских писателях XIX века и Е. Лундберга «Жизнь Важа Пшавелы». На это справедливо указал в прениях Е. Бертельс.

Член редакционного совета проф. Н. Бродский сообщил о готовящейся в Гослитиздате новой серии «Русские мемуары». Серия содержит 88 названий, и издание ее рассчитано на несколько лет.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЕЛИКОГО ДРАМАТУРГА

Гослитиздат приступает к изданию полного собрания сочинений А. Н. Островского в 16 томах.

В первом семи томах публикуются пьесы великого драматурга, в восьмом — произведения, написанные в сотрудничестве с Н. Соловьевым и П. Нежеским, в девятом и десятом — переводы с латинского, итальянского, испанского, английского и французского языков и переложения различных пьес. Статьи, записки и заметки о театре составят содержание одиннадцатого тома. В двенадцатом будут помещены проза А. Островского, его неоконченные произведения, путевые записки, дневники.

Последние четыре тома включают письма писателя и справочные материалы к изданию.

Юбилей Театра им. Ленинского комсомола

Двадцатилетний юбилей отмечает в феврале один из самых популярных театров Москвы — Театр имени Ленинского комсомола. В 1927 году в Москве был создан Театр рабочей молодежи, в труппу которого вошли наиболее талантливые участники художественной самодельности — молодые московские рабочие и работники. В 1938 году театру присваивается почетное имя — Театр имени Ленинского комсомола. В его коллектив приходят ученики и последователи К. Станиславского в В. Немировича-Данченко — И. Берсенева, С. Бирман, С. Гиацинтова и другие.

Воспитание молодого поколения — такая главная цель театра. Он стремится создать героический образ молодого человека советской эпохи, показать его духовную красоту и величие в спектаклях «Как закалялась сталь», «Парень из нашего города», «Юность отцов». Теме советской молодежи посвящены также поставленные театром пьесы «Глади» И. Штока, «Крылатое плем» А. Переннева, «Большие надежды» В. Каверина, «Школьные товарищи» Б. Ласкина.

Театру имени Ленинского комсомола свойственно чувство современности. Из 54 спектаклей, поставленных за двадцать лет, 45 посвящены современной тематике. Накануне юбилея театр выступил с творческими отчетами перед зрителем. Уже состоялся вечер на автозаводе им. Сталина, в Военной академии им. Ворожова и в Центральном доме Советской Армии.

К юбилею в театре открывается выставка «Наш творческий путь».

Искаженная история

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 11

Литературная дискуссия на страницах „Октября“

За последние годы литературные дискуссии исчезли со страниц наших журналов.

Е. КНИПОВИЧ

«Октябрь» начал литературный спор, и в этом заслуга редакции. В основу обсуждения положен материал, который остро ставит ряд существенных для нашей литературы проблем, — статья А. Фадеева «Задачи литературной критики» («Октябрь», № 7, 1947 г.). Круг вопросов, поднятых в статье Фадеева, достаточно широк. Основные задачи нашей критики А. Фадеев справедливо видит в борьбе за партийность литературы, за реализацию тех основных задач социалистического реализма, которые были указаны в постановлениях Центрального Комитета партии о литературе и искусстве, в докладе А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Основные положения статьи А. Фадеева о роли революционно-романтического начала в социалистическом реализме, об истинном новаторстве — идеальном и художественном — советской литературы, о скрытых и открытых формах идейной борьбы на литературном фронте, казалось бы, должны были встретить широкий отклик в среде нашей критики.

Но разрывавшаяся на страницах «Октября» дискуссия показывает, что большинство ее участников сосредоточили внимание на отдельных подожженных статье А. Фадеева, связанных, главным образом, с вопросом о соотношении утверждающего и критического начала в литературе. Почти во всех статьях дискуссии, непосредственно откликнувшихся на статью А. Фадеева, сквозит некоторое предубеждение против революционного романтизма. И О. Грудина, и А. Марголина, и, правда, в гораздо меньшей степени, Т. Мотылева опасаются, что стремление к революционной романтике может отвлечь внимание наших писателей от критики пережитков капитализма в сознании людей и притупить критическое острое нашей литературы. Некоторая осторожность откликов объясняется отчасти той позицией, которую заняла в дискуссии редакция журнала «Октябрь».

Отдавая должное инициативе «Октября», мы все-таки вынуждены сделать одно замечание к порядку ведения дискуссии. Отдел дискуссий — не почтовый ящик при органе печати. В самом ходе дискуссии должна чувствоваться направляющая рука редакционного коллектива, начиная с мелочей. Ведь, например, русская грамматика — это не дискуссионный вопрос. Как же можно выпустить автора «на люди» со следующего рода заявлениями: «Ни одна полновесная идея, ни один положительный образ свой Бальзак не поднимал на такую высоту выразительности и величия, как отрицательный». (Подчеркнуто мною). — Е. И. Статья О. Грудина «О романтизме и реализме». «Октябрь», № 8, 1947 г.).

Редакция, естественно, не может навязывать спорным своим мыслям и мнениям. Но она может и должна следить за тем, чтобы все поднятые в дискуссии вопросы были обсуждены и чтобы разговор о теоретических проблемах был наиболее конкретным, имел непосредственное отношение к сегодняшним задачам нашей литературы. Между тем, многие существеннейшие вопросы, поднятые в статье А. Фадеева, не встретили отклика. И место конкретного разговора о социалистическом реализме почти во всех статьях занял разговор о критическом реализме прошлого.

Когда речь заходит о Бальзаке, то тут в статьях появляется и кропотливый анализ внутреннего мира Растиньяка или Рафаэля, и Гобсека, и Вотрея, и Ферриуса, и ссылки на огромное количество романов, и страстный спор о том, так или не так трактует А. Фадеев вопрос о критическом реализме Франции.

Когда же дело доходит до советской литературы, до вопросов социалистического реализма, то здесь мы критиков почему-то угасает и начинается довольно отвлеченный разговор о «нашей литературе последних лет».

Нет спора, классическое наследие — вопрос очень важный. Но какое бы место он ни занимал в статье А. Фадеева, он все-таки остается в ней экскурсом, предосторостью.

Основное в статье — проблемы социалистического реализма, пути и задачи нашей литературы, идейная борьба на литературном фронте.

Наиболее конкретной оказалась в дискуссии статья Б. Бялика «Надо мечтать!» («Октябрь», № 11, 1947 г.) — не только потому, что в ней есть несколько острейших примеров, подтверждающих общие положения. Основное достоинство статьи в том,

что Б. Бялик сосредоточил свое внимание на проблемах, существенных для нашей жизни, для дальнейшего развития советской литературы. Можно спорить о тех определениях реализма и романтизма, которые выдвинул автор, но правильность общего направления статьи, на наш взгляд, бесспорна.

В ней заключена верная характеристика основных особенностей социалистического реализма, проявившихся уже при возникновении этого метода в творчестве Горького. Особенно интересна та часть статьи, где автор говорит о советской литературе 30-х и 40-х годов, ставшей новым этапом в развитии социалистического реализма. Б. Бялик прав, когда провозглашает в этой литературе поэму «Хорошо!», в которой Маяковский воспеет победу нового социалистического уклада, воспеет окружающий мир, как свой мир.

«Именно это новое отношение к миру», — пишет Б. Бялик, — «связанное с тем, что социализм и был, идеал и повседневно, впервые предстал перед поэтом не как две противостоящие друг другу силы, именно радостное, гордое чувство победы человека над «старыми» сердцем раздиравшими мелочью, именно это все определило особенности лирики Маяковского последнего периода, лирики, которая передала ощущение единства с окружающей действительностью...»

С сожалением, Б. Бялик был вынужден вступить в бой на территории статьи О. Грудина «О романтизме и реализме». Необходимо следовать за ходом чужой и путаной мысли в данном случае помогла ему развернуть всю положительную программу.

Но, с другой стороны, пройти мимо тех утверждений, которые содержатся в статье О. Грудина, и невозможно.

Перед советскими писателями О. Грудина ставит две основные задачи. Во-первых, давая рисуя образы лучших людей нашего общества, советская литература, по ее мнению, должна обязательно показывать в каждом из них борьбу «прекрасного, благородного коммунистического начала, воспитанного идеями коммунизма и условиями жизни страны, с эгоистическим, мелким, низменным началом — остатком прошлого». Во-вторых, наша литература должна раскрывать непреодолимое противоречие между сущностью человека и его деяниями, ибо последние, даже у советского человека, якобы не могут быть прямым и непосредственным выражением сущности. Нетрудно увидеть, что О. Грудина, — и на это справедливо указал Б. Бялик, — отряпывает советского художника изображать целостность и внутреннюю силу переходного человека нашей эпохи. При таком определении задач нашей литературы, конечно, окажется «использованным» и молодого Габриэля Фадеева, и многие другие герои нашей литературы недавних лет, например, Рулевая в «Людях с чистой совестью» Вершигоры. Более того, если бы О. Грудина была бы хоть сколько-нибудь последовательна, ей пришлось бы ликвидировать большую часть золотого фонда нашей литературы. Ведь нет же ни одного эпизода в Пелеве Коратина и Ленинского! И светлый внутренний мир Фурманова непосредственно и последовательно проявляется в его деяниях, когда он вместе с горсткой героев-коммунистов побеждает в борьбе с пятидесятичной толпой матежников.

Каковы бы ни были субъективные намерения О. Грудина, — объективно же критика «нашей литературы последних лет» отражает возмущения любителей «сложности» и «психологических бездн», их жалобы на «однолинейность» нашей литературы, на «засилье романтизма».

Не случайно, ссылаясь на классические образцы, поучительные для советской литературы, О. Грудина прежде всего называет Достоевского, т. е. художника, изображающего раздробленность человека, как органическое свойство его природы, злое начало в его сознании, как равноправное добру.

Вопрос о критике, о разоблачении врага, об изображении пережитков капитализма в сознании людей — это очень серьезный вопрос. И знаю, что Б. Бялик не поддался ему в своей статье. Ведь здесь тоже есть немало предосторожек, от которых мы свободны и работы серьезных критиков. Т. Мотылева, например (в статье «Об утверждающем и критическом

начале в социалистическом реализме»), соглашается признать правильное положение Фадеева о том, что утверждающее начало — основное в литературе социалистического реализма. Но конкретный анализ некоторых произведений советской литературы (например, «Кавалера Золотой Звезды» С. Бабаевского), данный в ее статье, заставляет думать, что у автора нет достаточно четкого понимания той новой связи между утверждением и критикой действительности — связи, которая возникла в литературе социалистического реализма.

«Кавалер Золотой Звезды» очень наглядно доказывает, — говорит Т. Мотылева, — что когда писатель не проявляет смелости в критике, он оказывается слаб и в утверждении». На деле же соотношение не таково. Сила утверждения, новое социалистическое чувство единства с окружающим миром определяют и глубину и верное направление критики. Яркий пример дает нам повесть Э. Казакевича «Звезда».

В минуту смертельной опасности, перед лицом нравственной силы и нелицитатива Травкина лютый блатмейстер Мамочкин ощущает, что, ити на подвиг с янтном на совесть, он как бы выиграл в крепости врага, предал товарищей, предпринял гибель отряда.

В этой трагедии пережитков, как явления одновременно неестественного для советского общества и опасного, есть суровая правда, призыв к внутренней чистоте и нравственной чистоте, необходимости для великих дел, предназначенных советскому народу.

Разоблачение плохих, отсталых, отрицательных черт героя должно всегда обладать одним качеством — это в изображении художника всегда должно быть неравноправно добру.

Об этом неравноправии знала уже и наша классическая литература. Величайшие наши художники всегда изображали социальное зло и уродство, как нечто ненормальное с точки зрения их высоких представлений о человеке, отражавших стремления и чаяния народа.

Насколько же острее и реальнее должно быть это чувство неравноправия, «некорректности» зла в сознании советских художников, деятелей литературы, открыто и неразрывно связанной с народом и партией, представителей того общества, где субъективное начало художника совпадает с объективным ходом общественного развития! (А. Фадеев).

Мне кажется, что острота нетвердой дискуссии о романе В. Пановой «Кружники» отчасти объясняется внутренней позицией писателя-искусствоведа, не принципиально-искусствоведным отношением к делу. Ссылки на право объективного изображения действительности, на «чеховский метод» здесь вряд ли состоятельны. Разве мы не ощущаем неадекватности Чехова не только к утрате Пришвина или учителя Бернаку, но и к Рабинувичу, Абигину, Ариадне, к герою «Анна на шее» с подбороком «сплохоним на чутку»?

Пути сиюминутности к делу ведут, в конечном счете, на Запад, к тем взглядам на человека и его судьбы, которые противопоставляют нашим взглядам. Конечно, если речь идет о романе В. Пановой, здесь встает лишь вопрос о непереносимости тенденций, проявившихся в произведении талантливой писательницы. Но тем более следует на них указать.

Дискуссия в «Октябре» продолжается. В статьях №№ 11 и 12 (Б. Бялика и Т. Мотылева) в сфере ее действия уже начали входить более весомые явления советской литературы.

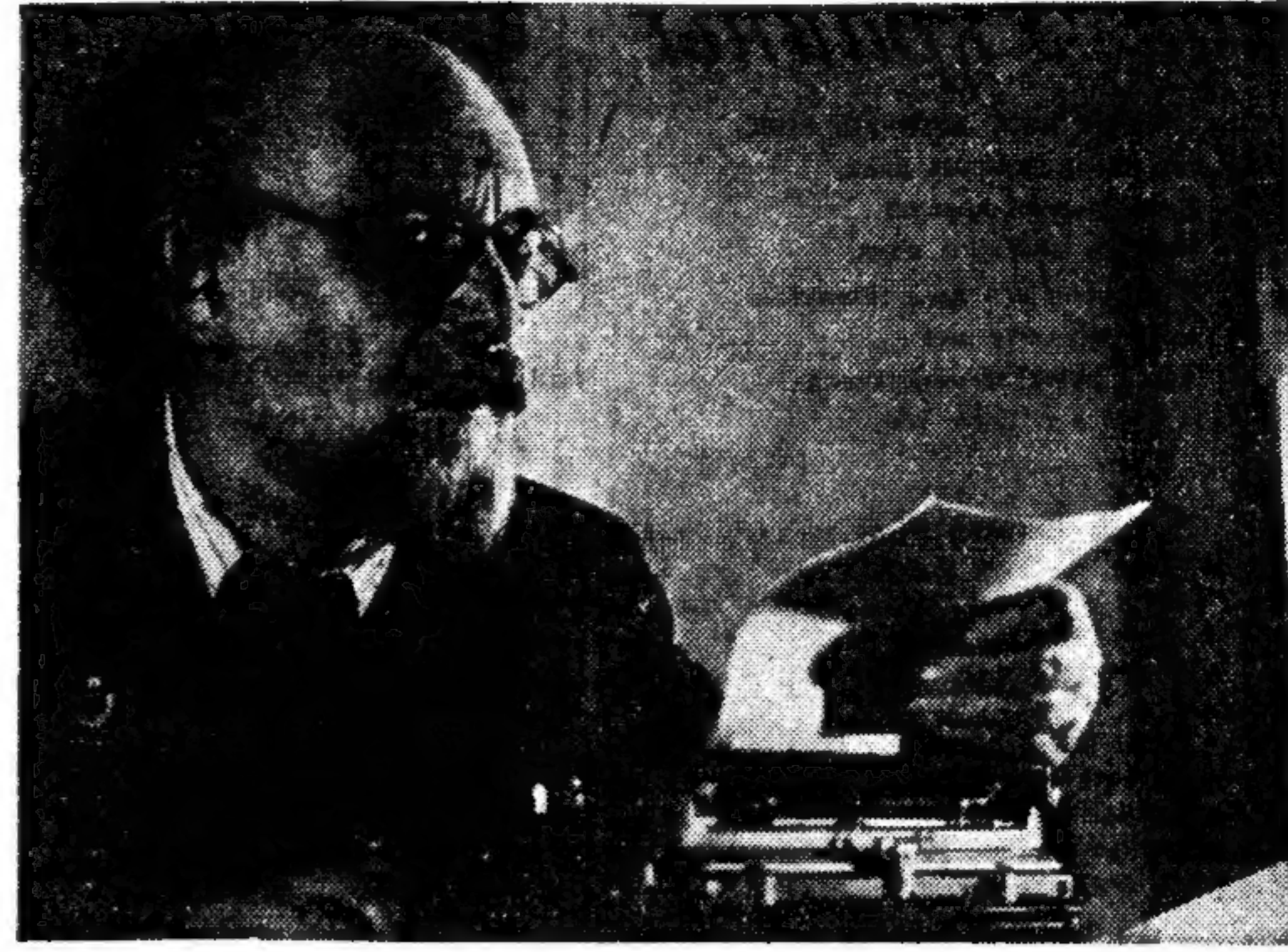
Дискуссионные статьи первого номера «Октября» за 1948 год посвящены конкретному анализу некоторых произведений советской литературы последних лет (Е. Боровская и Н. Четунцова — «Воспримости и мораль», М. Шерин — «О романе Ильи Эренбурга «Буря»).

Однако повторить с современной темой совершенно в дискуссии неудачно.

Серьезная и обоснованная критика «Буря» и ее недостатки, несомненно, нужна, как нужна критика любого произведения. Но М. Шерин подошел к книге с предвзятым мнением и дал односторонний анализ романа. Редакция «Октября» и здесь осталась верна тому странному принципу некомпетентности, который определяет ее отношение к дискуссии.

Нам кажется, что, повернув дискуссии к современной теме, ее надо продолжать так, чтобы она стала серьезным, конкретным партийным обсуждением вопроса о путях и задачах литературы социалистического реализма.

Певец русской природы

На вечере, посвященном 75-летию со дня рождения М. М. Пришвина, выступили писатели и поэты, совершенно не схожие по своей творческой индивидуальности — Л. Леонидов, С. Маршак, К. Паустовский, Н. Асеев, Л. Кассиль, В. Лидин, П. Шубин, но все они одинаково тепло говорили о силе произведений М. М. Пришвина, о поэтической простоте, делающей его книги равно любимыми и доступными для читателей всех возрастов, об умении писателя волновать картинами русской природы, за которыми ощущается красота и благородство души русского человека.

В речах было приведено немало фактов, очень ярко и наглядно иллюстрирующих воспитательное значение книг Пришвина. Особенно сильное впечатление произвел на аудиторию рассказ генерал-майора Н. Гарина, вспоминавшего о том, с каким волнением читали бойцы и офицеры его части в годы Отечественной войны случайно попавшую в их руки книгу «В краю непуганых птиц».

— Дело происходило в лесу, обожранном снарядами и бомбами неприятеля, — говорит генерал. — Войны уже не замечали всего этого, они привыкли к таким изуродованным

пейзажам. Но книга М. Пришвина пробудила в них острую боль за поврежденный лес и столь же острую ненависть к немецким фашистам. «Как хорошо написано! — воскликнул один боец. — Нужно сделать так, чтобы никто никогда больше не погубил нашу природу».

Есть прямая связь между этими словами и трогательным письмом к писателю одного пионера, которое было опубликовано в редакционной газете «Пионерская правда» В. Семеновым.

Автор письма образно и непосредственно рассказывает о том, как он научился по произведениям Пришвина наблюдать и любить природу, поняв, что природа — это одно из живых воплощений самого дорогого слова — Родина.

Так яркое ощущение русской природы, которым пронизаны книги М. Пришвина, пробуждает в сердцах советских людей высокое чувство патриотизма, чувство любви и преданности отечеству.

С привлекательным юбилеем выступил на вечере Н. Семашко, И. Розанов, представители ЦК ВЛКСМ, издатели, редакторы газет и журналов, Министерства просвещения РСФСР, Московского государственного университета и многих других организаций.

Все говорили о творческой активности писателя, о его энергии, позволяющей ему и в 75 лет продолжать привычный образ жизни неутомимого путешественника, слепоты, охотника и обогащать нашу литературу новыми произведениями.

В заключительной речи юбиляр горячо благодарил советскую общественность за чуткое и внимательное отношение к его творчеству.

На сцене: М. М. ПРИШВИН. Фото Е. ТИХОНОВА.

Л. КРУПЕНИКОВ Об авторской взыскательности

Роман А. Коптевой «Товарищ Анна», напечатанный в 1946 году на страницах журнала «Октябрь», был встречен резкой критикой.

Сейчас, когда роман вышел отдельным изданием, интересно не только разобраться в его сути, но и посмотреть, что и в какой степени автор подверг переработке, какую меру авторской взыскательности к своей работе проявил он, подготавливая книгу к новому изданию.

В центре произведения остается образ Анны Лаврентьевны, горюго инженера, директора крупного золотого прииска в Якутской тайге.

Мы знакомимся с жизнью и многогранной деятельностью Анны, и перед нами отчетливо возникает образ переходного советского человека, разительного хозяйственника, смеялого инженера-новатора, борющегося за новые методы золотодобычи.

Анна борется за внедрение в жизнь своего новаторского проекта. В самый разгар этой борьбы в ее семейной жизни происходит тяжелая драма. Муж Анны, геолог Андрей, изменяет ей. Эту измену Анна переживает тем более тяжело, что вся десятилетняя совместная жизнь ее с Андреем протекала дружно и счастливо, любовь поддерживала их в последние годы студенческой жизни. Последующая совместная работа и общность интересов привели к еще большей душевной близости. Они оба тяжело пережили смерть первого ребенка, оба беспрестанно любили свою черепашку-детку. (Кстати сказать, страницы, посвященные изображению маленькой Маринки, едва ли не лучшие в романе).

Измена мужа глубоко потрясла Анну. Но вера в Андрея, вера в постоянство чувств — все подверглось сомнению. Страдания Анны, вся ее душевная жизнь в эти тяжелые дни показаны писательницей глубоко и, за исключением некоторых мелких погрешностей, убедительно.

При переработке романа А. Коптева устранила ряд досадных деталей, противоречащих всему облику героини, в частности, нечеловеческая сцена с браунингом. Образ Анны, не потеряв своей многогранности, стал более цельным. Тяжелое испытание, выпавшее на долю Анны, не сломило ее, не приостановило духовного роста. И мы верим ей, когда в конце книги, размышляя о пережитом, она говорит: «Я счастлива, что сумела выстоять в беде, так неожиданно обрешившейся на меня. Я живу и чувствую, что не опустошилась, не обделалась душой...»

Удача писательницы в создании образа Анны объясняется прежде всего тем, что все мысли и чувства героини показаны в неразрывной связи с ее делами, со всей ее напряженной творческой деятельностью.

Если бы вся обстановка прииска «Светлого» являлась только декоративным фоном, на котором разглагольствует любовная драма героини, — о книге Коптевой не стоило бы и говорить. Но, читая роман Коптевой, мы узнаем о смелой и увлекательной борьбе советских людей с суровой северной природой, мы еще раз убеждаемся в великом значении дружбы народов в Советском Союзе, благодаря которой ранее угнетенные, обреченные на вымирание малые народности ныне приобрели к социализму.

В образе Анны воплотились новые черты характера, выработавшиеся в наших людях за советские годы. Анна — душа и организатор многих начинаний на приисках и в окрестных районах. Выращивают ли здесь первые овощи, строят ли для зверьков школы, — во всем она принимает деятельное участие. Даже в минуты самых мучительных переживаний она не может отойти от своей работы. Чувство причастности к общему делу и ответственности за него, умение подчинить личное общественному, тому главному, за что борется, во имя чего грустит весь народ, не позволяет Анне замкнуться в раковине личных переживаний. Мало того, сознание своей

нужности, необходимости для окружающих ее коллектива советских людей — это помогает Анне преодолеть страдания, укрепляет ее душевные силы. Во всех начинаниях Анну горячо поддерживают и секретарь прииска Уваров, и новатор-зобойщик Николай Чернов, и многие другие.

В тяжелые для нее дни Анна ощущала всю благотворную силу товарищеской поддержки, оказавшей ей самыми различными людьми.

В этой поддержке, в этом сочувствии проявились те новые моральные устои, которые все больше утверждаются в нашем обществе, делая советских людей воспитателями самой высокой, самой передовой морали во всех областях жизни, в том числе и в сложной области семейных отношений.

То, что А. Коптева сумела создать сложный и пестрый образ переходной советской женщины, сумела дать пестрый ряд ярких, запоминающихся картин из жизни инженера и работы старателей, свидетельствует о художественной зоркости писательницы и о хорошем знании жизненно-го материала, который положен в основу произведения.

Эти удачные моменты преобладают над высокими требованиями к книге в целом, а между тем ряд образов и положений в романе и в нем случае не может удовлетворить читателей.

Коренной недостаток произведения заключается в том, что, уделяя почти все свое внимание образу Анны, Коптева поверхностно подошла к изображению других основных героев и прежде всего мужа Анны — Андрея.

И сейчас, после доработки, образ Андрея все же остался бледным и расплывчатым, хотя черты, характеризующие его увлеченность своей работой, стали более выпуклыми.

Его отношение к Анне, любовь к Валентине, раскаяние и возвращение к жене — все это показано крайне несубъективно. Самая причина мотивируется в значительной степени тем, что Анна не поддержала Андрея в его работе, усомнилась в правильности его геологических поисков, и это вызвало у Андрея чувство отчуждения. А Валентина, хотя и ничего не понимала в геологии (она врач), поверила Андрею, проявила сочувствие, оказала ему, страдающему от неопытности и одиночества, поддержку.

Кстати, Анна, пожалуй, единственный раз на протяжении романа действует в этом случае в явном противоречии со своим характером, проявляя, по воле автора, непонятную «сухость», формальность, по-каменному подходить к работе Андрея. Не верится, что эти люди десять лет жили душа в душу, понимая друг друга с полуслова.

Все недомолвки, недоразумения и обиды Андрея, доведенные до предела, заставляют читателя думать, что Андрей вообще не способен на глубокое чувство, что он и не любил по-настоящему свою жену. Неударом его помощник Чузков говорит ему:

«Вот ты и любишь, а любишь — не любишь».

В заключение хочется отметить, что роман Коптевой «Товарищ Анна» значительно улучшился. Но все же возросшая мера авторской взыскательности оказалась еще далеко не достаточной. Это существенно снижает идейно-художественные достоинства произведения.

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС

- 1) На замещение вакансий заведующих секторами (оклад 6000 руб.): а) советской литературы, б) изучения литературного наследия революционных демократов.
 - 2) На замещение восьми вакансий старших научных сотрудников (оклад 3000 руб. и 4000 руб.) по специальностям: русская литература (советская и дореволюционная периоды), западные литературы.
- На основании постановления Президиума Академии наук СССР от 18 февраля 1947 г. к участию в конкурсе на замещение вакансий лиц, имеющих ученую степень доктора наук или ученое звание профессора; к участию в конкурсе на замещение вакансий старшего научного сотрудника допускаются лица той же квалификации, а также лица, имеющие ученое звание старшего научного сотрудника.
- Заявления с приложениями всех необходимых документов (поступившие в Академию наук СССР) принимаются до 15 мая 1947 г. в канцелярию Академии наук СССР, список научных трудов, отзывы и характеристика подают на имя директора института (Москва 6, ул. Ворьковского, д. 25-а) в течение двух месяцев со дня появления настоящей публикации.
- Жилплощадь институт не обеспечивает.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: А. БАУДИН, В. ВЕЛИЧКО, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Высокие гигиенические качества детской книги важны не меньше, чем состав воздуха, которым дышит школьник в классе, чем правильное устройство школьной парты, правильная организация режима в школе и дома, чем любой иной предмет, связанный со здоровьем детей.

Установлено, что мелкий, бледный, чрезмерно упитанный, печатанный легко стираемой краской и на плохой бумаге шрифт требует длительного, чрезмерного напряжения глаз.

Обращение «Литературной газеты» к работникам полиграфического дела представляется для нас, гигиенистов, важным и актуальным: вот почему проблема, казалось бы, ограниченная вопросами общей культуры советской книги, перестает в проблему здоровья подрастающего поколения.

У нас большой счет ко всем, кто выпускает книги. Мои сотрудники в Ленинградском научно-исследовательском санитарно-гигиеническом институте несколько лет занимались исследованием детской книги.

В 1945 году Детгизом выпущены серии детских книжек под названием «Книга за книгой» для детей старшего и среднего возраста. В состав серий входят избранные рассказы и стихи лучших русских писателей.

Первое, что бросается в глаза, — это неправильный подбор шрифта книжек. Напе-

О полиграфической культуре детской книги

Читая книжки детитом, с полнотой замечаю буквы, почти явное преувеличение нормальности. Это ослабляет быстроту восприятия зрительных образов: буквы, слов, картинок. Соображениями экономии бумаги такое печатание не должно вызываться, особенно в стихах, например, «Мать» С. Михалкова, где текст занимает половину страницы (в ширину).

Как исключение, печать в разбивку используется в стихотворении К. Симонова «Сын артиллериста»: почему это исключение нельзя было сделать правилом для всей серии?

Качество бумаги низкое, она приближается к типу оберточной бумаги.

Фальцовочные и типографские работы проделаны небрежно. Страницы обременены с перекошено на 3—5 мм, а внутренние поля в некоторых книжках (в первой половине книги «Иванко Крылаток») почти вовсе отсутствуют. Несмотря на интересное содержание книжек, школьники, как уже говорилось, отказываются читать эти книжки.

Анализ «Сборника алгебраических задач» Шапошникова в Вальцеве (изд. Учгиза 1945 г.) показал настолько высокую степень просвечиваемости бумаги, что чтение численных примеров становится затруднительным.

Недоборочность также и печать. Коэффициент стирания краски более 10 процентов. Поразительно неравномерна печать.

Поражает мало привлекательная внешность книги для дошкольников. Большинство их без плотного (пусть не картоного) переплета, 50 процентов без иллюстраций. Самые 40 процентов книг, изданных после войны, напечатаны на просвечивающей бумаге. Ни одна из исследованных нами книг не имеет всех требуемых по нормам показателей.

В то время как основные виды продукции нашей промышленности не только достигли довоенного уровня, но уже превысили его, качество детской книги остается неудовлетворительным, нереальным в свете нашей общей культуры.

Детская книга воспитывает ребенка не только своим содержанием, но и своим оформлением. Оформление (широко понимаемое) может привлекать ребенка к книге на всю жизнь, но может сделать и обратное. Это должны понять работники бумажной промышленности и работники полиграфии.

Советские дети окружены в нашей стране большим вниманием. Им дается все лучшее и наиболее полноценное! И книга, один из предметов первой необходимости советской детворы, должна быть также лучшей и наиболее полноценной. Это наш долг перед детьми.

Проф. А. Я. ГУТКИН
ЛЕНИНГРАД.